

Из книги
Д. Г. Булгаковского
Великое Былое
Воспоминания
об Отечественной Войне,
по поводу её столетней
годовщины

С.-Петербург
1912

К 200-летию
Отечественной Войны
1812 года.

Отечественные старинки об Отечественной войне 1812 года

Д. Т. Булгаковскій.

Великое былое.

Воспоминанія
объ Отечественной войнѣ,
по поводу ея столѣтней годовщины.

СБОРНИКЪ

иллюстрированъ 113 народными картинками и
рисунками лучшихъ художниковъ.

Цѣна 60 коп.

Посвящается простому народу и школьникамъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія С.-Петербургской тюрьмы, Арсенальная наб., д. № 5.

1912 г.

Из книги
Д.Г. Булгаковского
Великое Былое
Воероминания
об Отечественной Войне,
по поводу её столетней годовщины

С.-Петербург
1912

*Отголоски старины
об
Отечественной войне
1812 года*

К 200-летию
Отечественной
Войны
1812 года.

* * *

*«Я помню, приходил враг с силой исполинской,
И жег и грабил все: здесь русских встретил он;
Я помню славный день, день битвы бородинской!
Здесь дрогнул в первый раз злодей Наполеон!
Здесь он почувствовал, что может горсть героев
Против несчетных орд, со всех скопленных стран.
Сей беспримерный бой из всех известных боев
Явил, что может дух великих россиян!
Здесь бился Божий меч, князь русский Михаил.
Я помню, как он шел, украшен сединами,
Как он пред битвою с полками говорил.
Он страшен был, когда сражался со врагами.
Тогда на месте сем парил над ним орел;
В час сечи роковой над старцем опустился
Вождь обнажил чело и духом ополчился.
Ура! воскликнул Росс, ударил, загремел!..
Тогда на месте сем и русских много пало.
О, дети, кланяйтесь! Они легли за нас;
Паденьем славным их Отечество восстало.
Во век священным их да будет прах для нас».*

Николай Иванчин-Писарев

*Отголоски старины
об Отечественной войне.¹*

Наполеон начал войну с Россией в 1812 году без объявления о том, как это обыкновенно принято между всеми государствами.

Он прибыл 10 июня, осмотрел берега реки Немана, в 3-х верстах от г. Ковно, и решил здесь переправить свои войска. Вечером 11 июня войска его были подошли к реке, вблизи которой расположились незаметно. Они старались сохранить полную тишину. Когда совершенно стемнело, то на лодках и на

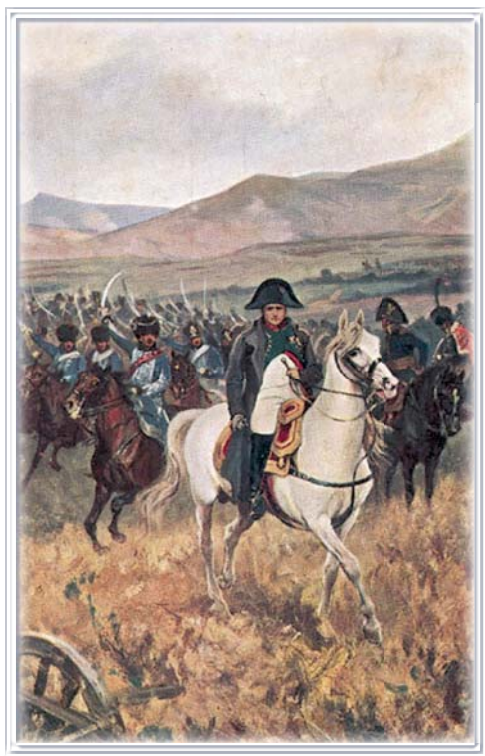

*Переправа Наполеона через Неман 12 июня 1812 года.
Почтовая карточка. Литография Р. Бахмана.*

спущенных понтонах были переправлены на противоположный берег три роты для занятия правого берега; эти роты прикрыли головы трех мостов, которые французы начали тотчас же наводить. Для поддержки переправленных рот на левом берегу были выдвинуты батареи. Пехота и артиллерия перешла по наведенным мостам, а кавалерия большею частью — вплавь.

Вслед за своим войском переехал и сам Наполеон; он проскакал вперед верст пять за реку по сыпучему песку, среди елового леса; вероятно хотел лично убедиться, нет ли где в засаде русского войска. Но везде было тихо; русские войска дали полную свободу его вторжению.

1 При составлении сборника «Отголоски старины», мы пользовались «Записками» де-Сегюра и др. изданиями.

*Наполеон во главе своих гусаров
в 1812 году. Почтовая карточка.
Художник Р. Деллла.*

Почти одновременно перешли границу у города Гродно и все остальные его войска.

Итак жребий брошен; война началась.

Наполеон с невероятной быстротой двинулся к Вильне, и 15-го июня уже занял этот город. Наша 1-я армия отступила по направлению к укрепленному лагерю в Дриссе, на р. Двине, и здесь, по соединении со 2-ю армией, предполагалось дать сражение. Но 2-я армия не успела присоединиться к 1-й, и отступила к югу. План Наполеона состоял в том, чтобы не допустить соединения наших армий, разбить каждую в отдельности, двинуться на Москву, и там предписать свои условия мира. Для выполнения этого плана, Наполеон, по переходе через Неман, сам с гвардией и корпусами Даву, Удино, Нея, Нансuti, Монбрюна и Груши двинулся на нашу 1-ю армию; корпуса же Понятовского, Ренье, Вандама и Латур-Мобура, под начальством короля Вестфальского Иеронима, направил против 2-й армии. В промежутки между 1-ю и 2-ю нашими армиями, были направлены корпуса

вице-короля Итальянского и Сен-Сира. На севере, против Риги, должен был действовать Макдональд, а на юге, против нашей 3-й армии — Шварценберг.

У Наполеона было 600 тысяч человек войска и 1400 орудий; у нас же всего 203 тысячи при 900 орудиях.

Войско наше было разделено на три армии. 1-я армия в 120 тысяч человек и 550 орудий под начальством военного министра Баркляя-де-Толли, расположена была между Россиянами и Лидой, имея главную квартиру в Вильне; 2-я армия под начальством князя Багратиона, состояла из 37 тысяч и 216 орудий, стояла между Неманом и Бугом, имея главную квартиру в Волковыске. 3-я армия под начальством Тормасова, в числе 46 тысяч человек с 161 орудиями, находилась на южной стороне Полесья, имея главную квартиру в Луцке.

Решив воспользоваться разрозненным положением наших сил, Наполеон двинул свои главные силы — двести тысяч человек под своим личным начальством против 1-й армии.

Нашим разрозненным силам надо было во чтобы то ни стало соеди-

ниться, так как Наполеон решил двинуть свои силы на каждую армию отдельно, и ему с превосходною численностью силами легко было одержать победу, — это и был план. Но «человек» полагает, а Бог располагает. «У наших полководцев была задача избежать с ним боя до тех пор, пока по соединятся все три армии.

Бои за каждый шаг к этому соединению отличались с нашей стороны страшным упорством.

Истекая кровью и изнемогая в неравной борьбе, наши богатыри продолжали тем не менее сопротивляться до последней крайности.

Наполеон отправил часть своего войска под начальством маршалов Макдональда и Удино, с тем, чтобы они напали на корпус Витгенштейна, защищавшего дороги в Псков и Петербург. Здесь было несколько схваток, и особенно произошел кровопролитный бой под Полоцком. Но благодаря беспримерной храбрости Витгенштейна, маршалы Наполеона под Полоцком потерпели поражение, так что не могли двинуться к Петербургу.

* * *

*Ч*есть вождю, хвала герою,
Петроград им огражден;
Свет гремит тебе хвалою,
Слава, храбрый Витгенштейн!

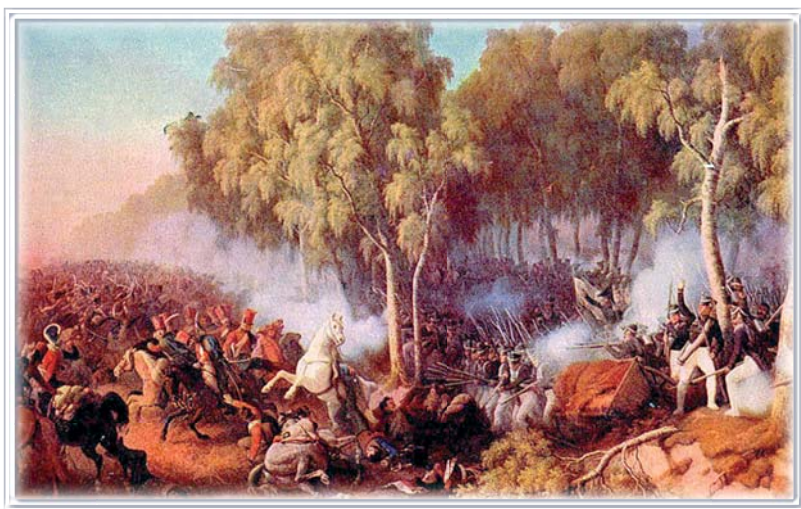

*Битва под Полоцком в 1812 году. Художник П. фон Гесс.
18 июня французы заняли Клястицы, селение в одном переходе от Полоцка.*

Как ни отличился гр. Витгенштейн под Полоцком, — все полагали, что не только Псков будет взят, но и Петербург не считался безопасным. Однако эти опасения были напрасны. Неприятель не устоял против наших храбрецов.

26-го июля обе армии двинулись к Рудне. Начало движения было успешно. Атаман казаков Платов, шедший во главе армии, разбил значительный отряд французской кавалерии. Но затем явились опасения быть отрезанными от Смоленска, а потому Барклай перевел армию на Пареченскую дорогу, но не встретив там противника, повернул обратно к Рудне.

Наполеон, узнав об успехе Платова, приказал своим войскам сосредоточиться на левом берегу Днепра, с целью обойти наши армии слева и, отбросив Неверовского, занять Смоленск.

*Подвиг генерала Неверовского под Красным,
2 августа 1812 года. Художник П. фон Гесс.*

Увидя наступление французов, Неверовский занял одним батальоном гор. Красный, а остальные войска построил позади города, за оврагом. Ней атаковал город и выбил егерей; а французская кавалерия двинулась в обход нашего левого фланга. На встречу ей бросились наши драгуны, но были отбиты. Многочисленные силы противника заставили Неверовского перейти в отступление. Французская кавалерия Мюрата непрерывно атаковывала отступающего Неверовского, но успеха не имела. Таким образом, благодаря неустрашимости Неверовского и доблести 27-й пехотной дивизии, с небольшим числом кавалерии и с 14 орудиями, удалось удержать на целый день наступление противника к Смоленску и не допустить его захватить город в тылу наших армий. Это был своего рода величайшей подвиг со стороны Неверовского.

Посланный кн. Багратионом генерал Раевский, для поддержки Неве-ровского, соединился с последним и с пятнадцатитысячным войском занял Смоленск. К ночи показалась под Смоленском неприятельская кавалерия Мюрата, а за нею — пехота Нея. В 9 часов утра 4 августа, подошел к Смоленску Наполеон с корпусом Даву. В то же время и к нашим войскам подходили подкрепления. В этот день действия неприятеля ограничились, лишь только канонадою и слабыми атаками, так как войска неприятельские еще не все подошли к Смоленску.

Вид Смоленска 1812 год. Литография А. Адама.

Наконец, наши армии, после страшных усилий, соединились под Смоленском, — это была первая наша победа, империя для Наполеона роковой исход.

Когда генерал Раевский занял Смоленск, Паскевич защищал древнюю крепость, а Коновницын стоял у Малаховских ворот. По крепостной стене был рассыпан Виленский пехотный полк.

С этими незначительными силами Смоленск отбивал все приступы неприятеля.

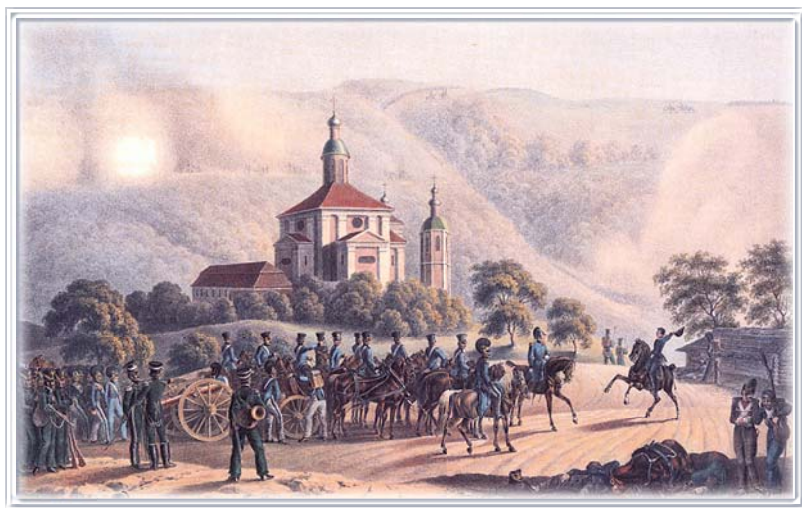
Но это было только начало огромного кровопролитного сражения под стенами Смоленска 5 августа.

Вот что рассказывает об этом сражении один из очевидцев.

«Я видел ужаснейшую картину — я был свидетелем гибели Смоленска. Французы в бешеном исступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы, и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра. Наконец, утомленный отпором наших войск, Наполеон приказал

жечь город, которого никак не мог взять грудью. Злодеи тотчас исполнили приказ изверга. Тучи бомб, гранат и чиненых ядер налетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, и церкви, и башни обнялись пламенем — и все, что могло гореть, — запылало! Опламененные окрестности, густой разноцветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, упadaющий на колени, с воздетыми кверху руками — вот что представлялось нашим глазам, что поражало слух, и что раздирало сердце! Толпы жителей бежали из огня, полки Русские шли в огонь; одни спасали жизнь; другие несли ее на жертву. Длинный ряд подвод тянулся с ранеными»...

Унылый звон колоколов, сливаясь с треском распадающихся зданий и громом сражения, сопровождал печальное шествие сие. Блеск пожаров освещал оное. Между тем черно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту ко мраку, и ужас к ужасу. Смятение людей было столь велико, что многие выбегали полунагими, и матери теряли детей своих. Казаки вывозили на седлах младенцев из мест, где свирепствовал ад. Наполеон отдал приказ, чтобы Смоленск взят был непременно 5-го числа; однако ж Русские отстояли его грудью, и 5-го числа город не был взят. Но 6-го рано, о, превратность судьбы! — то, что удерживали с таким усилием, отдали добровольно! Теперь Смоленск есть огромная груда пепла; окрестности его — суть окрестности Везувия после извержения лавы. Наши поспешно отступают к Дорогобужу, но сейчас, т. е. 8 числа к вечеру приостановились недалеко от Бредихи. Третьего дня дрались, сегодня дерутся и завтра будут драться».

Смоленск, 18 августа 1812 года, 6 часов утра. Художник Х. Фабер дю Фор.

«В ночь на 6 августа Барклай велел очистить Смоленск и наша армия стала отступать. Потери наши под Смоленском доходили до 6000 человек, неприятеля же до 12000. Ночью 6 августа перед сдачей, артиллерийская рота полковника Глухова вынесла из Смоленска чудотворную икону Божией Матери, и Наполеон занял город.

17 августа прибыл в Царево-Займище новый главнокомандующий всей русской армии, князь Кутузов. Здороваясь с войсками, Кутузов весело сказал: «Ну, как можно с такими молодцами отступать». Эти слова сразу воодушевили солдат.

Однако, Кутузов, подобно Барклаю, увидел, что ему необходимо отступать в глубь страны, уклоняясь от решительного сражения. Продолжая отступать, все же он подыскивал подходящую позицию чтобы помериться силами с неприятелем. Наконец, он остановился у села Бородина, в 120 верстах от Москвы.

Наша армия, по прибытии к Бородину, была силою до 120 тысяч человек. В это число входили казаки и ополченцы, — тех и других было до 16 тысяч человек.

Все это войско разделено было на две армии: первая армия была под командою Барклая-де-Толли, а вторая — Багратиона.

Уже 24 августа начался бой за Шевардинский редут. До 30 тысяч пехоты и кавалерии атаковали наших. Но несмотря на превосходство в силах неприятеля, наши отстояли свое место до ночи и затем вечером отступили на позицию.

Во все время этого боя Наполеон, с Бородинских высот следил за ходом дела.

Наполеон I на Бородинских высотах. Художник В. Верещагин.

По взятии Шевардинского редута², Наполеон пожелал видеть пленных. Пленных не нашлось. Бонапарт скорчил недовольную физиономию. Генерал его Коленкур при этом сказал:

— Русских скорее можно в землю втоптать, нежели в плен взять!

— Ну, хорошо, — возразить Наполеон, — так послезавтра (26 августа) мы всех их втопчем в землю».

Настал канун страшной битвы. Кутузов, как первые шаги, при своем отъезде на театр войны, направлял в Казанский собор, испрашивая в своих горячих молитвах Божия благословения, так и теперь, на Бородинских полях, перед страшным побоищем, он, коленопреклоненный, просить перед иконою Божией Матери небесной помощи.

Молебен накануне Бородинского сражения. Художник Н. Самокиш.

Вот что рассказывает об этом очевидец³.

«Накануне великого дня Бородинского, главнокомандующих велел принести икону Смоленской Божией Матери, взятую из Смоленска, при отступлении от города, и носить ее по всей линии... Духовенство шло в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением и св. икона шествовала... Сама собой, по влечению сердца, сотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своею кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышалось рыдание. Главнокомандующий, окру-

2 Редут — отделенное укрепление из земли или камня, вооруженного пушками и обведенное рвом.

3 Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о 1812 году Ф. Глинки, 1839 г.

женный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебенство, несколько голов поднялись кверху и послышалось: «Орел парит!» Главнокомандующий взглянул вверх, увидел плавающего в воздухе орла, и тотчас обнажил свою седую голову. Ближайшие к нему закричали: «Ура»! И этот крик повторился всем войском.

Орел продолжал плавать. Семидесятилетний вожь, принимая это за доброе предвестие, стоял с обнаженной головою. Это была картина единственная. Михаил Кутузов, главный повелитель всех воинских сил империи, являлся тут во всей красе военачальника. В простреленной голове его был ум, созревший в течение 70 лет; в его уме была опытность, постигшая все тайны политической жизни гражданских обществ и народов. Над ним парил орел, на нем была икона Казанской Божией Матери, сто тысяч русских кричали — «ура»! — а судьба завтрашнего дня укладывала жребий в таинственную урну свою...

«Из всех явлений 1812 года канун Бородина сохранился, конечно, у многих въ памяти», — продолжает этот очевидец. Все ожидали боя решительного. Офицеры надели с вечера чистое белье; солдаты, сберегавшие про случай по белой рубашке, сделали тоже. Эти приготовления были не на пир. Бледно и вяло горели огни на нашей линии; темна и сыра была с вечера ночь на 26 августа; но ярко и роскошно чужими дровами освещал себя неприятель».

«Удвоенные костры, установленные в несколько линий, пылали до самого Колоцкого монастыря. Это не наши огни, стоя огненными полками, скользили сквозь чащи лесов и кустарников, румянили наше небо и бросали какой-то кровавый отблеск на окрестности ямистые, темные».

«Рокот барабанов, резкие звуки труб, музыка, песни и крики несвязные (приветливый клик войска Наполеону) слышались у французов. Священное молчание царствовало на нашей линии. Я слышал, как квартирьеры громко сзывали к порции: «Водку привезли; кто хочет, ребята! ступай к чарке». Никто не шелохнулся. По местам вырывался глубокий вздох, и слышались слова: «Спасибо за честь! Не к тому изготовились не такой завтра день! И с этим многие старики, освещенные догорающими огнями, творили крестное знамение и приговаривали: «Мать Пресвятая Богородица, помоги нам постоять за родную землю»!

К утру сон пролетел над полками. Я уснул, как теперь помню, когда огни один за другим уже снимались, а заря начинала заниматься. Скоро, как будто кто толкнул меня в бок. Я вскочил на ноги, и чуть было не упал с ног от внезапного шума и грохота.

В рассветном воздухе шумела буря. Ядра, раскрывая и срывая

паши шалаши, визжали пролетными вихрями над головами. Гранаты лопались. В пять минут сражение было уже в полном разгаре. Многие, вскочив от сна ночного, падали в сон вечный. Взрытая выстрелами земля, всключенная солома, дым и вспышки огня рябили в глазах.

Начался бой невероятный. Люди, точно львы, дерутся; пушки лопались от разгорячения, зарядные ящики взлетали на воздух. Кони без седоков ржут и бегают. Все было кровь и сеча в огненной атмосфере этого сражения.

Бородинское сражение. В центре картины раненый генерал Багратион, рядом с ним на коне генерал Коновницын. Вдали виднеется каре лейб-гвардии. Художник П. фон Гесс.

Это был ад, а не сражение. Наполеон и Кутузов не уставали соображать, не переставали действовать. Два великих полководца встретились на одной мысли: каждый метил своему противнику в грудь.

Когда Кутузов увидел, что пехота французская стянута на крылья, а центр по-редел и состоял почти из одной кавалерии, решил нанести удар на этот центр и послал для этого дела несколько полков пехоты и часть кавалерии. Наполеон понял опасность такого предприятия и поспешил двинуть часть молодой гвардии. Удайся это движение, Кутузов из оборонительного положения перешел бы в наступательное. Он уже и сделал было попытку к этому, выслав Уварова, которому велел сказать: «Напасть и пропасть, если необходимо»! В то же время послал к Дохтурову на левое крыло записку: «Стоять до последней крайности»!

Французы дерутся жестоко, дерутся отчаянно. На одной квадратной версте гремят 700 пушек; спорные окопы облиты кровью, они то и дело переходят из рук в руки. Вдруг на русской линии раздается громкое, продолжитель-

ное — «Ура»! — это сам Багратион ведет свое левое крыло в штыки. Но, увы! и неустрашимости есть предел: Багратион смертельно ранен. Мундир на нем расстегнут, белье и платье в крови, сапог с одной ноги, снят, большое красное пятно выше колена. По линии несется страшная весть о смерти его, и руки у солдат опускаются.

Бородинский бой продолжается до 9 часов вечера. К этому времени у нас введены были в дело почти все войска, за исключением небольшого резерва. У Наполеона же оставалась нетронутой вся его старая гвардия.

Вот поле битвы под Бородиным.

Потери наши были громадны: 58 тысяч человек было убито и ранено; из них убито 22 генерала. Недешево достался этот бой и французам; у них было из строя 44 тысячи; убито и ранено одних генералов 43 человека.

*На Бородинском поле после битвы, 17 сентября 1812 года.
Художник Х. Фабер дю Фор.*

*Из писем русского офицера
Гедора Глинки.*

21 августа. Мы ложимся и встаем под блеском зарева и громо-
вых перестрелок. Мне уже нельзя заехать домой в Смоленск, — путь отрезан.
Иду туда, куда двинет всех буря, войны.

Мне кажется, я переселился совсем в другой свет. Куда ни взглянешь,
все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огня. Смерть
летает вокруг нас. Нет человека, который бы не видал ее каждый день, и
каждый день тысяча людей достается ей в жертву. Здесь люди исчезают как тени.
Сегодня на земле, а завтра — под землею. Сегодня смеемся с другом, завтра —
плачем над его могилою. Тут целыми обществами переходят с земли на тот свет
так легко, как будто из дому в дом. Удивительно, как привыкли здесь к смерти, в
каких бы видах она не являлась: свистит ли в пулях, сеется ли в граде картечи, или
шумит в полете ядер и вылетает из лопающихся бомб, — ее никто не пугается.
Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель!

22 августа. Никогда, думаю, не молились русские так усердно, как
сегодня. Поутру полки расположились вблизи Колоцкого монастыря. Там еще
оставались два или три монаха. Целый день церковь была отперта и полна. Уны-
лый звон колокола, тихое пение, наступающий вечерний сумрак, слегка освещае-
мый лампадами, который чуть теплились пред древними иконами, все это вместе
чудесным образом располагало душу, к молитве. Глубокое молчание почивало в
храме. Никто не смел нарушить его. У некоторых из молящихся только избыток
невыразимой печали вырывался в тихих рыданиях, мешаясь с дрожащим голосом
убеленного сединами старца-священнослужителя.

Все признаки были на лицо наступавшего великого сражения.
Неприятель, сдвигая свои силы, каждый день с большою дерзостью
надвигал их на нас. Силы его несметные. Они ширятся вправо и вле-
во, и темнеют, как дремучие леса, или ходят, как тучи, из которых по
временам раздаются выстрелы, похожие на гром.

23 августа. Вот и Бородино и Бородинские высоты. Войска переш-
ли реку Колочу, впадающую здесь же в селе Бородине в Москву реку.

Полки остановились и расположились на холмах. Стало войско,
и не стало ни жатв, ни деревень: жатвы потоптаны, деревни снесены.
«Войско идет и метет», так говорится издавна.

Наступает вечер. Наши войска окапываются неутомимо. Засеками горюют леса. Пальбы нигде не слышать. Там, вдали, неприятель разводит огни, ветер раздувает пожары, и зарево выше и выше восходит вверх. У нас на правой руке Милорадович, на левой князь Багратион; в середине Дохтуров. Глава всех войск — Кутузов; под ним Барклай-де-Толли.

24 августа. Отдаленный гром пушек приветствовал восходящее солнце. Генерал Коновницын с передовыми полками схватился с неприятелем под стенами Колоцкого монастыря.

Вот идут они: один искусно уклоняется, другой — нагло влечет гремящие тысячи свои прямо на нас. Толпы его, тянувшиеся по дороге, вдруг распахнулись вправо и влево. Поля дрожать под необозримостью войска; кажется, гнутся под конницей; леса засыпаны стрелками; пушки вытягиваются из долин и кустарников, и в разных местах, разными тропами пробираясь на холмы и пригорки, въезжают. Многочисленное войско неприятельское колеблется, кажется в нерешительности. Вот, пошатнулось было влево, и вдруг повалило направо. Огромный полчища движутся на левое наше крыло. Русские спокойно смотрят на все с укрепляемых своих высот. Неприятель готовится к бою.

Неприятель, как туча засинел, сгустившись против левого нашего крыла, с быстротою молнии, ударил на оное; он хотел все сбить и уничтожить. По князь Багратион, генерал Тучков, граф Воронцов и прочие отбросили далеко пехоту неприятеля. Пушки наши действовали чудесно. Кирасиры врубались с неимоверною отвагою. Раздраженный неприятель несколько раз повторял свои нападения, и каждый раз был отражен. Поле покрывалось горами тел. Князь Кутузов сидел на своей деревянной скамеечке, которую за ним всегда возили, у огня, на середине линии. Он казался очень покоен. Все смотрели на него, и от него черпали спокойствие. В руках его была нагайка, которою он то помахивал, то чертил что-то на песке. Казалось, что весь он превратился в слух и зрение, то вслушивался в гремящие переходы сражения, то внимательно обозревал положение мест. Часто пересылался с ним Багратион. Ночь прекратила бой и засветила новые пожары.

25 августа. Все тихо. Неприятель отдыхает; перевязывает вчерашние раны, и окапывает левое крыло свое. И наши не дремлют — готовятся. Бесконечные обозы тянутся по полям, толпы народа спешат, сами не знают куда.

С 25 на 26 августа. Все безмолвствует. Русские с чистою безупречною совестью, тихо дремлют около разведенных костров. Сторожевые цепи перекликаются. Эхо чуть вторит им, на облачном небе изредка искрятся звезды. На бивуаках неприятеля музыка, пение, трубные гласы и крики по всему стану. Вот слышны восклицания; за ними несутся еще слышнее, еще протяжнее и громче. Войско приветствует Наполеона, разъезжающего по строям войска.

26 августа,. Загудела, застонала мать сыра земля. Дрогнули поля,

но сердца покойны были. Так началось беспрецедентное сражение Бородинское, 26 августа. Тучи ядер с визгом переметывались над шалашом нашим. Заря только что начинала зажигаться. Неприятель подвез несколько сот орудий и открыл целый ад. Бомбы и ядра сыплется градом. Треск и взрывы повсеместно. Одни шалаши валяются, другие горят. Войска бегут к ружью и в огонь. Все это происходило в середине, а на левом крыле нашем давно уже свирепствовала гроза в непрерывных перекатах грома пушек и мелкого ружья. До 400 тысяч солдат, на самом тесном, из многочисленности их, пространстве, почти так сказать толкаясь головами, дрались с неслыханным отчаянием; 2000 пушек гремели непрерывно. Тяжко вздыхали окрестности и земля, казалось, шаталась под бременем сражающихся. Французы метались с диким остервенением; русские стояли твердою стеною. Они, дорожили каждым вершком земли, и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение шло в глубокой долине и в разных местах с огнем и громом, на высоты всходило. Густой дым заступал место тумана. Седые облака дымились над левым крылом нашим и заслонили середину; между тем, как на правом — сияло полное солнце. И самое светило сие мало видало таких браней на земле с тех пор, как засветило оно над живущими на ней. Сколько крови! Сколько тысяч тел! В лесу целые костры были сложены отпиленных рук и ног! На месте, где перевязывали раны, лужи крови не засыхали. Разбитые головы, оторванные ноги и размозженные руки до плеч были на каждом шагу. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью своих товарищей. Война народная час от часу разрастается. Тысячи поселян укрывались в лесах, вооружаясь серпами и косами. Даже женщины сражаются».

Один 14-летний мальчик, с простреленною ногою шел пешком, и не жаловался. Перевязку выдержал он с большим мучением. Две молодые крестьянские девушки были ранены в руки. Одна бросилась на помощь к деду своему, другая — убила француза, поранившего её мать. Сражение не утихало ни на минуту и целый день продолжался беглый огонь из пушек. Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как обыкновенно летают пули, а сколько там пролетело пуль!..

Какое ужасное сражение было под Бородиным! Сами французы говорить, что они сделали 60.000 выстрелов из пушек и потеряли 40 генералов. Наша потеря также очень велика. Князь Багратион тяжело ранен. Кровь лилась, как вода. Никто не щадил жизни и не жалел. Ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии давно, а может быть и никогда еще не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасного сражения. Одни только русские могли устоять против страшного неприятельского полчища.

За Бородинское сражение Кутузова произведен был в генерал-фельдмаршалы, и кроме того, ему было пожаловано сто тысяч рублей. Никто не был забыт царскою милостию, и Император Александра I щедро награждал всех

участвовавших в Бородинском сражении от рядового солдата до генерала. Наполеон ничего не выиграл; только более 50.000 солдат из его армии осталось на Бородинском поле.

По да прикрытием казаков Платова и 10 батальонов, наша армия отступила по дороге на Можайск и Москву.

Тронулся и Наполеон со своею армиею на Москву.

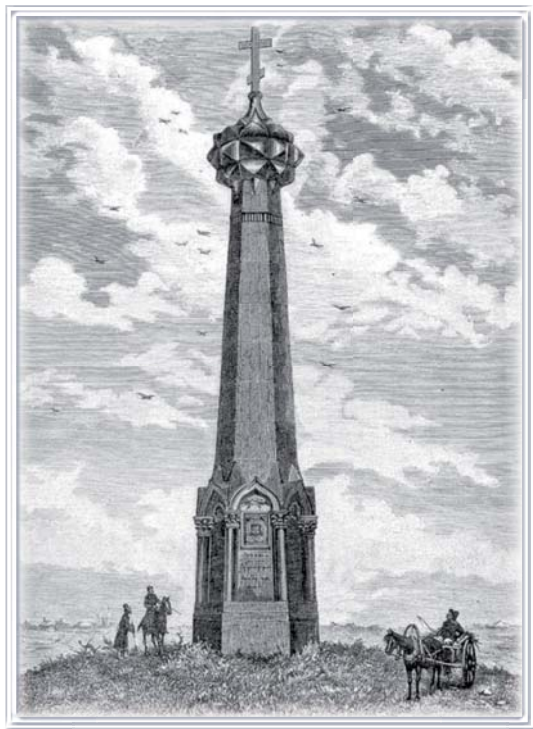
Вот как описывает Бородинский бой в своих записках генерал французской армии, адъютант Наполеона де-Сегюр.

«Наполеон, полагая, что Понятовский уже захватывает старую Московскую дорогу, подал сигнал к атаке. И вдруг, среди безмолвных холмов поднялись клубы дыма и пламени и вслед за ними почти в то же мгновение раздался взрыв и свист ядер, пронизывающих воздух по всем направлениям».

«Посреди этого грохота, Даву с дивизиями Комнана, Десе и тридцатью орудиями быстро двинулся к первому неприятельскому редуту».

«Русские открыли ружейный огонь; лишь со стороны французов гремели орудия. Пехота двинулась, не стреляя; она спешила навстречу неприятельскому огню; чтобы его прекратить, но Компан, генерал этой колонны и его храбрейшие солдаты падали раненые, остальные в отчаянии остановились под этим градом пуль, собираясь отвечать на него; тут подоспел Рапп заменить Компана, ему удалось бегом повести солдат в штыки против неприятельского редута».

«И вот он уже первый достиг его, как вдруг и его постигает та же участь: он получает свою двадцать вторую рану. Его замещает третий генерал, но и тот падает. Сам Даву ранен. Раппа принесли к Императору, который ему сказал: «Ну, что, Рапп, по-прежнему? А что делается там наверху»? Адъютант отвечал, что следовало бы послать гвардию на подкрепление. «Нет, сказал Наполеон, я от этого остерегусь, я не хочу, чтобы мне ее разбили, я выиграю сражение и без неё».

*Памятник на Бородинском поле.
Гравюра М. Рашевского
по рисунку И. Сулова*

«Но высоты возле разрушенного села Семеновского, куда примыкала левая сторона центра русских, были еще нетронуты; та подмога, которую Кутузов беспрестанно вытребовывал с правого фланга, здесь укрепилась. Их сильный огонь обрушивался на Нея и Мюрата, победу он задерживал; следовало овладеть этой позицией. Сначала Мобург с своей кавалерией рассеял их первые ряды, за ним следовал со своей пехотой Фриан, генерал Даву. А Дюфур и 15-й полк легкой кавалерии первыми взобрались на этот откос. Они выселили русских из этой деревни, развалины которой были плохо укреплены, Фриан поддерживал этот натиск, воспользовался своим успехом и упрочил его, хотя и получил рану».

«Этот геройский подвиг открыл французам путь к победе, нужно было немедленно им воспользоваться. Но Мюрат и Ней были истощены и, пока они собирали свои отряды, они послали просить подмоги».

«И в тот момент было замечено, что Наполеона охватило небывалое дотоле колебание; он долго раздумывал. Наконец после того, как он неоднократно отменял приказания, даваемые своей молодой гвардии, он решил, что на этих высотах будет достаточно присутствия отрядов Фриана и Мобурга, так как по его мнению решающий момент еще не наступил».

«Но Кутузов, воспользовавшись этой заминкой, на которую он мог рассчитывать, призывает на помощь своему левому флангу, открытому со всех сторон, все свои резервы до гвардии включительно. Багратион со всеми подкреплениями снова пополняет его ряды, его правый фланг упирается в батарею, атакующую принца Евгения, а левый в тот лес, которым замыкается поле битвы возле Псарева. Огонь русских разрушает наши ряды, их дружная атака упорна и стремительна: пехота, артиллерия, кавалерия — все соединились в одном натиске. Ней и Мюрат ожесточенно пытались противостоять этой буре; для них дело шло уже не о дальнейшей победе, а о том, чтобы сохранить добытое перед тем».

«Русские, придя в себя после первого поражения, сбежались со всех сторон. Кутайсов и Ермолов повели их сами с решимостью, достойной этого великого момента. 30 полк отважился один пойти в штыки против целой армии, он был окружен, смят и отброшен с редута, где он оставил треть своих солдат и своего бесстрашного генерала, получившего до двадцати ран».

«Русские, ободренные этим, не довольствуясь больше защитой, пошли в атаку. На том пункте сражения сосредоточилось все, что может дать военное искусство, сила и безумная отвага. Французы продержались в продолжении четырех часов после этого “вулкана”, под дождем пуль и ядер. Тут понадобилось все искусство принца Евгения и то чувство, благодаря которому, для вешних победителей самая мысль о признании себя побежденными кажется

невыносимой. В каждой дивизии по несколько раз менялись генералы. Вице-король переходил от одной дивизии к другой, перемешивая мольбы с упреками и главным образом напоминая о прежних победах. Он послал предупредить императора о своем критическом положении, но Наполеон ответил, что он ничем не может помочь, что победа зависит от вице-короля и что стоит сделать еще одно лишнее усилие и сражение будет решено».

«Это произошло в тот момент, когда Мюрат, обреченный на бездействие в захваченной им долине, послал в четвертый раз к своему шурина с жалобой на потери, причиняемые его кавалерии русскими, утвердившимися на редутах против принца Евгения. Он просил у Наполеона лишь гвардию на подмогу; при её поддержки, уверял он, ему удастся овладеть этими укрепленными высотами».

«Император, казалось, согласился, он послал за Бессьером, начальником конной гвардии. К несчастью, этого маршала не могли найти, так как он, по распоряжению самого же Наполеона, был послан, чтобы вблизи наблюдать за битвой. Император ждал его в течение часа, не обнаруживая нетерпения и не возобновляя своего приказа. Когда маршал, наконец, явился, он принял его с довольным видом, спокойно выслушал его донесение и позволил ему продвинуть гвардию вперед настолько, насколько тот сочтет это нужным».

«Но уже время было упущено. Нечего было думать о захвате всей русской армии и, быть может, целой России; оставалось лишь удержать за собой поле битвы. Кутузову дали время опомниться, он укрепился на оставшихся у него малодоступных высотах и покрыл всю долину своей кавалерией».

«Таким образом, русским удалось в третий раз перестроить свой левый фланг перед Неем и Мюратом, но этот последний призывает на помощь кавалерию Монбрюна. Этот генерал был убит и замещен Коленкуром, который, встретив адъютантов несчастного Монбрюна, оплакивавших своего начальника, закричал им: “Следуйте за мной, не плачьте о нем, и идите отомстить за него”!»

«Король указал ему на вновь выстроившийся неприятельский фланг, его следовало бы оттиснуть к центру их главной батареи; в то время, как легкая кавалерия будет пробиваться вперед, Коленкур со своими кирасирами должен будет неожиданно повернуть налево, чтобы с тыла захватить этот ужасный редут, который своими фронтом по-прежнему напирает на вице-короля».

«Коленкур ответил: “Я не замедлю быть там живым или мертвым”. Он отправился тотчас же и опрокинул все, что ему противостояло на пути, затем, неожиданно повернув налево своих кирасир, он первый появился на окровавленном редуте, где пал, сраженный пулей. Он нашел могилу там же, где и победу».

«В то время, как производилось это решительное наступление кавалерии, вице-король со своей пехотой почти достиг центра огнедышащего редута. Вдруг он увидал,

что пальба прекратилась, дым развеялся и на вершине редута задвигались и засверкали медные каски наших кирасир. Наконец-то эти высоты, дотоле принадлежавший русским, перешли к французам. Вице-король устремился туда, чтобы разделить победу, довести ее до конца и укрепиться на этой позиции. Но русские не отказались от неё, они упорствовали, доходя до остервенения. Было видно, как они, не теряя мужества, смыкали свои ряды перед нами и, несмотря на то, что их беспрестанно отбрасывали, они снова под предводительством своих генералов вступали в битву и шли умирать у подножия окопов, возведенных их руками».

Посреди этого грохота войны и еще не остывшего пыла Нея и Мюрата, Наполеон оставался прежним, с ослабевшим голосом и вялой походкой. Но вид русских, свист их пуль и ядер воодушевили его; он приблизился к их позиции и выразил желание отнять ее; тогда Мюрат, указывая ему на нашу почти совсем разбитую армию, заявил, что для этого потребуется гвардия, на что Бессьер, по своему обыкновению, не упуская случая отстаивать это отборное войско, в виде возражения, указал на расстояние, отделявшее от нас неприятельские укрепления, прибавив, что между Наполеоном и Францией простирается целая Европа и потому необходимо сохранить хотя эту горсть солдат, на которую император мог бы рассчитывать. И так как было уже около пяти часов, Бертье в свою очередь заметил, что слишком поздно, и неприятель укрепился на своей последней позиции и что пришлось бы еще пожертвовать не одной тысячей человек, не добившись удовлетворительного исхода нападения. Тогда император лишь посоветовал победителям соблюдать осторожность. Потом он вернулся, по-прежнему шагом, к своим палаткам, расположенным позади, отнятой два дня тому назад батарее, перед которой он оставался с самого утра почти безучастным свидетелем всех превратностей этого ужасного дня».

«По дороге он подозвал Мортье и дал ему приказ о выступлении молодой гвардии, но с тем, чтобы она ни в каком случае не переходила оврага, отделяющего их от неприятеля. Он прибавил, что уполномочивает его охранять поле сражения и принять для этого все нужные меры, и этим только и ограничиться».

«Вскоре он подозвал его снова, спрашивая хорошо ли он понял приказание, и, повторяя свое запрещение вступать в бой, настойчиво предписал охранять поле битвы. Через час он опять послал повторить приказание: ни в каком случае не выступать и не отступить».

«Когда он остался в своей палатке, к его физическому упадку присоединилась большая душевная скорбь. Он только что видел поле битвы, это место говорило красноречивее людей, победа, столь желанная, купленная столь

дорогою ценой, не была полной. Он ли, исчерпывавший прежде свой успех до конца, он ли теперь так холодно и безучастно отнесся к высшим милостям, посланным ему судьбою?»

«Правда, потери были громадны и не соответствовали результату: каждый около него оплакивал друга, родственника, брата, потому что жребий упал на самых избранных. Было убито и ранено сорок три генерала. Какой траур в Париже, какое торжество для его врагов! Во всей армии вплоть до его палатки его победа молчалива, сумрачна, одинока, даже не слышно лести!»

«Те, кого он позвал, Дюма, Дарю, слушали его, молча, но их молчание, их позы, их опущенные глаза говорили достаточно».

«На другой день до полудня армия оставалась в бездействии или вернее можно было бы подумать, что армии больше не было, а оставался один авангард, так как остальные рассеялись по полю битвы, чтобы подбирать раненых. Их насчитывалось двадцать тысяч. Их переносили за два лье от поля битвы в Колоцкий монастырь».

«Лейб-хирург Ларрэ собрал фельдшеров со всех полков, подоспели походные госпитали, но всего этого было недостаточно. Впоследствии он жаловался в печатной реляции, что ему не было предоставлено ни одного отряда для того, чтобы раздобыть на этот случай в соседних селениях предметы первой необходимости».

«Император объезжал поле битвы; еще ни разу место сражения не являло собой такого ужасного зрелища. Все соответствовало этому ужасу: мрачное небо, холодный дождь, порывистый ветер, испепеленные жилища, изборожденная долина, покрытая развалинами и обломками; на горизонта сумрачно и печально зеленели деревья севера; повсюду среди трупов бродили солдаты, отыскивая себе пищу, далее в сумках своих погибших товарищей; раны воинов были страшны, потому что русские пули крупнее наших; бивуаки безмолвствовали, не слышно было ни пения, ни разговоров — суровая тишина»!

Наполеон впоследствии говорил: «из 50 сражений, данных мною, самое ужасное Бородинское, французы показали себя в нем достойными одержать победу, а русские стяжали право считаться “непобедимыми”».

Кутузов в донесены Императору Александру не хвалился победою, но говорил, что баталия 26 августа была самая кровопролитная из всех, который в новейших временах известны, что неприятель с превосходными силами не выиграл ни шага земли.

По окончании сражения Кутузов приказал было укрепиться, чтобы продолжать бой на следующий день, но в полночь, не желая подвергать свою армию еще большим потерям, приказал отступить.

Перед Москвою.

*Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги;
если овладею Петербургом, я возьму её за голову,
но, заняв Москву, я поражу её в самое сердце.
Наполеон.*

Ближе и ближе Наполеон подходит к Москве; совсем осталось немного. Народ в отчаянии, женщины плачут; только детям опасность нипочем; слышен детский крик, они бегают с любопытством, пристают к взрослым с расспросами о Наполеоне: кто он такой, какого роста, какого вида? По улицам раздаются молитвенные воззвания: «Господи, умиლოსердись! Иверская Божья Матерь, избавь от бед»! Все спешат спрятать свое имущество: одни закапывают в землю, другие вывозят за город в деревни, иные в лес. Сердце замирает, глядя, что делается в Москве. В армии тихо; тут пока нет никаких приготовлений к бою. Целый день открыты церкви; везде идут молебны об избавлении от супостатов; молятся с жаром но лицам текут слезы; слышатся вздохи глубокие, сердечные, точно кого хоронят.

Наполеон под Москвой. 1812 год. Неизвестный художник.

— Неужто Кутузов отдаст Москву без боя? — грустно говорить какой-то в чуйке мещанин, обращаясь к толпе, когда вышел из церкви. — Что без толку болтаешь! — с сердцем возражаете ему старик. Держи, отдадут. Не знаешь, что ли, уж выехали старшие военные осматривать места для встречи непрощенного гостя. И правда, осматривают позиции, и осмотр идете самый тщательный, кажется, ничего не пропускают, ни одной тропинки, ни кустика, ни бугорка. Осматривают генералы: Беннигсен, Барклай-де-Толли, Ермолов, полковники Толь и Мишо.

Наконец, выехал с подозрительной трубкой сам Кутузов, ему самому хочется убедиться, насколько местность выгодна для сражения? Стрелой весть промчалась по Москве об осмотре позиций. Радостные надежды растут у жителей; на улицах мелькают улыбки. «Не таков Кутузов, чтобы дал врагу пожить в Москве!» раздаются веселые голоса. В войске замечен подъем духа, — всем хочется помериться силами с неприятелем.

Кутузов, решаясь без боя оставить Москву и не желая принять на себя ответственность в таком важном деле, созвал военный совет. В 5-м часу, 1 сентября в д. Фили, в крестьянскую избу Андрея Севастьянова, в которой помещалась Главная Квартира, явились один за другим: Барклай, Дохтуров, Платов, граф Остерман, Уваров, Кановницын, Ермолов, Багговут, Кайсаров, Толстой и Толь. Милорадович не был приглашен, по невозможности отлучиться от арьергарда. Беннигсена ждали до 6 часов, и после всех приехал Раевский. Беннигсен начал вопросом: выгоднее ли сразиться с неприятелем под стенами Москвы или оставить ее неприятелю? Кутузов, прервав его, заметил, что прежде всего надобно объяснить положение дел и подробно изобразить неудобства позиции; затем добавил: «Доколе будете существовать армия, которая в состоянии противиться неприятелю, до тех пор останется надежда счастливо довершить войну: напротив того, по уничтожении армии, не только Москва, но и Россия потеряны».

Затем предложил на обсуждение совета вопрос: «Ожидать ли нападения в неудобной позиции или уступить неприятелю Москву?»

Барклай объяснил, что в занятой нами позиции, нас наверно разобьют и все, что ни достанется неприятелю на месте сражения, будет потеряно, при отступлении через Москву. «Горестно оставить столицу», — продолжал Барклай, — «но если мы не лишимся мужества и будем деятельны, то овладение Москвой приготовит гибель Наполеону». Он советовал отступить по дороге к Нижнему Новгороду, чтобы сохранить сообщение, как с Петербургом, так и с южными губерниями империи.

Беннигсен возразил: «Обдуманы ли последствия, могущие произойти от уступления Москвы и сопряженных с тем бесчисленных потерь для казны и частных лиц? Обсуждено ли впечатление, какое произведет событие сие на народный дух, имеющий столь сильное влияние на средства продолжать войну?»

Приняты ли в уважение затруднения и опасности, предстоящие армии, при проходе через Москву, когда неприятель будет идти по нашим пятам? Стыдно оставить столицу без выстрела. Если мы на это решимся, то не будет ли это сознанием, что мы проиграли Бородинское сражение, поэтому я предлагаю: собрать ночью все силы, на левом крыле и идти на центр Наполеона... Если же нам придется отступить после сражения, то должны идти на Калужскую дорогу, для препятствия сообщениям неприятеля».

Барклай-де-Толли отвечал: «Ежели намеревались действовать наступательно, то заблаговременно следовало бы иначе расположить армию, а теперь уже поздно. Трудно устроить ночью войска, скрытые в глубоких оврагах, а между тем неприятель может напасть на них. Армия потеряла большую часть генералов и штаб-офицеров; многими полками командуют капитаны»...

С Бенигсеном согласились: Дохтуров, Уваров, Коновницын и Ермолов; с Барклаем-де-Толли — граф Остерман и Толь. Граф

Остерман сказал: «Москва не составляет России; наша цель не в одном защищении столицы, но всего отечества, а для спасения его главный предмет есть сохранение армии».

Военный совет в Филях в 1812 году. Художник А. Кившенко.

Раевский, находившийся в арьергарде, при—быль на совещание после всех. — «Я устал», — сказал главнокомандующий, — «генерал Ермолов, объясните, о чем идет дело».

Раевский, впервые тогда узнал, что предметом совещания было: принять ли сражение или оставить Москву. Раевский сказал: «Ежели наша по-

зияция отнимает у нас возможность пользоваться всеми нашими силами, если уже решено дать сражение, то выгоднее идти навстречу неприятелю, чем ожидать его. Это есть лучшее средство расстроить план его атаки, но как наши войска непривычны к маневрам, то мы можем только на малое время замедлить вторжение Наполеона в Москву. Отступление же после сражения через такой обширный город, как Москва, может расстроить нашу армию. «Россия не в Москве, а среди сынов она». Следовательно, более всего должно беречь войска. Мое мнение: оставить Москву без боя. Впрочем, я говорю как солдат, предоставляю князю Михаилу Илларионовичу решить, какое влияние в политическом отношении может иметь занятие неприятелем Москвы?

Выслушав различные мнения, Кутузов заключить заседание словами: «С потерей Москвы не потеряна Россия. Знаю, ответственность обрушится на меня, но я жертвую собою для блага Отечества». Сказав это, он встал со стула и добавил: «Приказываю отступить».

По окончании совета, Кутузов остался один. Он ходил взад и вперед по избе, когда вошел к нему полковник Шнейдер, находящиеся при нем 20 лет безотлучно.

Пользуясь правом свободного с ним разговора, он старался рассеять его и заводил речь о разных предметах. Слова его оставались без ответа. «Где же мы остановимся?», — спросил он, наконец, будто пробужденный вопросом, Кутузов подошел к столу, сильно ударил по нему и сказал с жаром: «Это мое дело; но уж доведу я проклятых французов, как в прошлом году турок, до того, что они будут есть лошадиное мясо»!

Всю ночь после совета в Филях, Кутузов был чрезвычайно печален, так что несколько раз плакал. Как полководец, он видел необходимость уступить неприятелю Москву, как русский, он болел о ней душою.

По армии был отдан приказ об отступлении через Москву на Рязанскую дорогу; арьергарду⁴ Милорадовича было приказано удерживать неприятеля до тех пор, пока главные силы не пройдут через столицу.

В ночь на 2 сентября, в 3 часа утра, русские войска потянулись от Драгомировой заставы через Москву на Рязанскую дорогу. Вся армия шла в одной колонне уныло, в полной тишине. Никому не верилось, что первопрестольная может быть сдана. Солдаты первое время думали, что их ведут в обход против неприятеля.

Вслед за отходившими русскими войсками, в 4 часа дня вошел, авангард⁵ французской армии, под начальством Мюрата, в опустевшую Москву.

Торжествуя Наполеон остановился в ожидании донесений Мюрата на Поклонной горе, окруженный своими маршалами и свитой.

Тысячами различных цветов блистал огромный город. При этом зрелище неприятельскими войсками овладела радость: «Москва! Москва!» — закричали они, и все перенесенные трудности были забыты в эту минуту.

4 Арьергард — часть войска, идущая резервом, сзади главных сил.

5 Авангард — передовой отряд войска.

*Вступление войск Императора Наполеона в Москву.
14 сентября 1812 года. Мастерская Ж. Куше.*

Наполеон залюбовался на открывшуюся перед ним чудную панораму Москвы. Глядя в подзорную трубу, он самодовольно улыбнулся и проговорил, обращаясь к свите:

— Вот она историческая Москва! Мы ее возьмем, и Россия будет покорена. Я подпишу ей такой мир, какой захочу. Поздравляю вас, господа, с окончанием войны!

— Да здравствует император! — громко воскликнула свита.

— Да, да, теперь война окончена, и вы, господа, возвратитесь во Францию с неувядаемыми лаврами.

Подъехав к валу у Дорогомиловской заставы, он подозвал к себе своего генерал-адъютанта графа Дюроне и, дал ему поручение: «поезжайте в город, генерал, устройте порядок службы и составьте депутацию, которая должна поднести ключи, и затем стал спокойно ходить взад и вперед.

Несколько французов, оставшихся в Москве, были приведены к Наполеону и объяснили ему, что Москва оставлена жителями.

— Какое невероятное событие! — вскричал Наполеон, — надо обдумать его. Он видимо встревожился. Подумал, что это значит, что Москву отдает Кутузов без боя — оплот России — первопрестольную столицу? Не делает ли «эта старая лиса» какой-либо для него непонятной засады? и тотчас же приказал послать ординарцев в Москву к заставе, узнать, где русское войско?